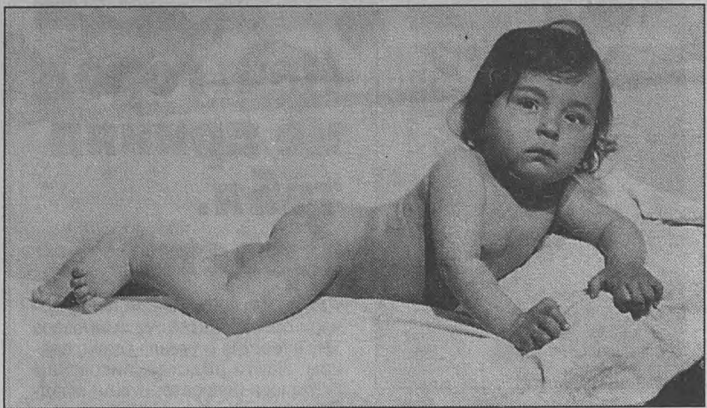

1935 год. В семье Енгибаровых — нечаянная радость

«В цирке люди делают сложнейшие трюки. Они летают под куполом, жонглируют десятком предметов и еще стоят на руках, и этому, я утверждаю, особенно трудно и сложно научиться... Все это, конечно, тяжело и все-таки рано или поздно забывается. Вот только одно никогда не забывается — это когда ты стоишь на двух руках, медленно отрываешь одну руку от пола и понимаешь, что у тебя на ладони лежит земной шар»... Я знала о том, кто такой Леонид Енгибаров, не больше, чем многие мои ровесники, родившиеся в год, когда он умер (то есть вообще почти ничего не знала). Знала, что он был великим, «несмешным» (хотя зрители, судя по видеозаписям, хохотали до колик), «с осенью в сердце». Этот образ обжег меня сразу. Представляете, вся земная тяжесть давит так, что глаза наливаются кровью, а под ногами — космическая пустота. И ты один отпачкаешь за эту драгоценную ношу, которую Бог доверил тебе вместе с даром смешить и радовать людей.

Не каждому дано приподнять земной шар на ладони. У Леонида Енгибарова это получалось

Фото из семейного архива

Владимир Высоцкий

Енгибарову — от зрителей

...Зритель наш шутами избалован — Жаждет смеха он, тряхнув мощной, И кричит: «Да разве это клоун? Если клоун — должен быть смешной!»... «Сгинул, канул он — как ветер сдунул! Или это шутка чужда?»... Только я колпак ему — придумал, — Этот клоун был без колпака.

1972

«Марина-шмарина» Роша. В этом доме Леонид Енгибаров прожил почти всю жизнь

график, погибла в автокатастрофе через несколько лет после ее рождения. В России у Енгибарова тоже есть дочери. «Нам все больше о дочках известно, насчет сыновей не знаю. Поклонник у него было много — очень уж он обаятельный. Посмотришь — вроде нет в нем такой уж особенной красоты. Но поговорить мог любую. А женился неудачно, полгода пробыл в браке, а потом так больше и не решился». «Впрочем, была одна девушка, Лидия (Коккина), воздушная гимнастка, «девочка, которая умеет летать», — ей Леонид Енгибаров отдал свое «шаловное сердце», чтобы оно забилось в воздухе, на головокругляющей высоте, если вдруг задрожит ее собственное. Ядвига много гастролировала по миру, Енгибаров в основном колесил по провинции — жизнь вместе с системой Союзгосцирка разбрасывала цирковых артистов в разные стороны, и они могли не видаться годами...

кой сильный дождь, что на манеже образовалась огромная лужа. Большая часть зрителей разбежалась, а оставшиеся раскрывали зонты. Енгибаров тоже раскрыл свой знаменитый зонтик в дырочку и, высывая из прорехи руку, проверял — не накрывает ли дождь. Запреты советской власти иногда давали странные результаты. Так, лучшие поэты страны, не имея возможности издаваться и жить на это, занялись переводами, и в результате мы получили одну из лучших переводческих школ в мире. Так и провинция получила огромный подарок — гастроли Енгибарова. Для кого-то они просто определили всю дальнейшую судьбу. Например, для режиссера Валентина Гнеушева, родившегося в Нижнем Тагиле: «Я пришел в цирк только из-за Енгибарова, под впечатлением Енгибарова. Правда, мне тогда казалось, что в цирке все такие талантливые, и поэтому я три года боялся даже подойти к цирковому училищу. Знаете, кем был Енгибаров по сути? Он мог бы стать пятым в ливерпульской четверке «Битлз».

Он бы мог стать пятым в «Битлз»

После победы на конкурсе в Праге Енгибарова звали продолжать гастроли. Жандо, которая сейчас является чуть ли не главным учебником по данному предмету, есть глава «Несколько слов о цирке в Советском Союзе и странах Восточной Европы». Подробнее всего остального автор пишет о системе циркового образования, технических возможностях цирка на протяжении Вернадского и т.д. Ливерпульская четверка «Битлз» — это статьи посвященные Леониду Енгибарову (есть даже описание отдельных реприз): «Самый интересный из них — Леонид Енгибаров — темноволосый молодой человек приятной наружности с холодным юмором на грани абсурда — напоминал облик Китона в фильме «Генерал». К сожалению, он слишком рано умер... Из ведущих советских мастеров смеха (я западной публике) знакомы только замечательный клоун Попов, традиционный август Караданаш и кумир советской публики Никулин, чей чудесный юмор с трудом пересекать границу, ибо держится в первую очередь на тесном контакте со зрителем. Енгибаров же мог развеселить любую публику — смехи его были зрелищны и потрясающе смешны. Кроме того, его армянский темперамент был близок к нашему, чем славянский темперамент русских. Что ж, большое видится на расстоянии.

Леонид Енгибаров не в живых уже 27 лет. Артисты помолже раутся принять участие в конкурсе, носящем его имя. Артисты постарше пытаются, скажем помоя, замаскировать его нахошки, трюки, образы — вплоть до пресловутой переполот футболки и единственной лампочки на плече. Только никого еще не назвали вторым Енгибаровым. Не каждому дано поднять земной шар на ладони.

* Людмила Боборкина, двоюродная сестра Леонида Енгибарова. Автор благодарит Людмилу Боборкину, Марию Романушко, Валентина Гнеушева, Геннадия Торшина, Викторю и Николая Киса за помощь в подготовке материала.

Клоун сосенью в сердце

Век Москва-1999-30 авг.-с.6

Ольга ФУКС

Сентиментальный боксер мечтал сыграть Гамлета

В литературе Енгибаров был виртуозным фокусником, поражающим воображение самыми смелыми и неожиданными сравнениями. Ловким жонглером, у которого слова летают, как серебряные булавки. Остроумным клоуном, способным выворачивать наизнанку или читать буквально стертые метафоры. А в цирке — поэтом, который смог возвести это древнее, простое и смертельное искусство в ранг высшей философии жизни, а в круглом манеже увидеть модель мира. Сам Марсель Марсо восхищался его пантомимами, пожелав встретиться с Енгибаровым после его выступления. При этом поэзия его образов — сентиментальный боксер, паренек, потерявший свое сердце, неудавшийся скрипач, у которого скрипка разваливается прямо в руках, восторженный маленький человек, который хочет приобщиться к сверкающему миру цирка, но от избытка чувств перебивает все фарфоровые тарелочки, доверенные ему для жонглирования, — держалась на очень конкретном и виртуозном владении цирковым ремеслом. Он был превосходным акробатом, жонглером, аквилистом на катушках, моноциклистом (правда, от моноцикла отказался очень быстро, потому что не нашел для него образа), умел балансировать на лбу всевозможные предметы (его знаменитые репризы о чашечке кофе, когда он поочередно забрасывал на голову блюдечко, чашечку, ложечку и кусочек сахара, или о нереальном юнине, который так торопится, что вещи, словно живые, разбегаются из его рук. И тогда он находит единственный способ одеться: водружает на тросточку шляпу и жилетку, ставит тросточку на лоб, чтобы не сбегала, и ловким движением головы сбрасывает все это сооружение, успевая при этом надеть жилетку, потянуть штаны и поймав тросточку). Поэтому ясно, что он невольно конкурировал, вызывая жгучую зависть, не только с коллегами-клоунами, но и с артистами почти всех жанров. Директора цирков ликовали, когда к ним по разнарядке присылали Енгибарова — народ валом валил именно на него. Понять, каким кладом для администрации был Леонид Енгибаров, поможет один случай. Как-то в минском цирке Леонид Енгибаров оказался в одной программе вместе с грандиозным аттракционом со слонами знаменитой династии Корниловых. Дело было в юбилей Октябрьской революции, и в момент, когда слоны готовились выйти на арену, чтобы работать все второе отделение, недалеко от цирка ударил первый залп праздничного салюта. Всею прогремело пятьдесят залпов. Перепуганные животные взбунтовались и ни в какую не захотели выходить на манеж. И тогда Енгибаров, уже отработавший свою свою программу, вернулся на арену и все второе отделение провел на своих импровизациях. На всех искусства больше всего его оценил кинематограф (больше всего — еще не значит полноценно): «Леонид 2», «Путь на арену», «Знакомьтесь, Леонид Енгибаров», «Ожерелье для моей любимой», «Печки-лавочки», «Тени забытых предков». В кино он в основном играл себя — клоуна, способного смешить и исполнять трюки. Только Параджанов смог увидеть в нем не только клоуна, но и драматического актера. Енгибаров мечтал сыграть Гамлета, Сидроно де Бержера, Хлестакова... Мороз по коже, когда представляешь, как бы он смог их сыграть, и сыграл бы обязательно, не оказавшись его жизнь столь короткой.

Нечаянная радость

Он родился неподалеку от храма Иконы Божией Матери «Нечаянная радость». Отец, 53-летний Георгий Сергеевич Енгибаров, работал шеф-поваром в престижных ресторанах «Метрополь» и «Прага». 22-летняя Антонина Адриановна стала его третьей женой. Леня был ее

В цирке он был поэтом, который смог возвести это древнее, простое и смертельное искусство в ранг высшей философии жизни, а в круглом манеже увидеть модель мира.

Буду армянином, а то скажут — еврей

Дом 22-б в 19-м проезде Марьиной Рощи принадлежал еще деду Леониду Енгибарову Адриану Артамоновичу Кудряшеву. По этому адресу Енгибаров прожил почти всю жизнь (только в последний год удалось ему купить однокомнатный оператив в доме на Рабуновской улице. Но с тех пор, как умерла Антонина Адриановна, в нем давно уже живут посторонние люди). Деревня

Чтобы любимого клоуна похоронили в достойном месте, а не около забора, его друзьям Ролану Быкову и Олегу Стриженову пришлось и хлопотать, и приплатить (как хлопотал в свое время Кобзон за место для Высоцкого на том же Ваганьковском). А Юрий Никулин и Ирина Бугримова давали бесплатные концерты на заводе, чтобы Енгибарову откликнуться в память — минкультовских денег ни на какой памятник бы не хватило.

ная одноэтажка, вода из колонки, дрова, печка, удобства на улице. Выступая в цирке на Цветном бульваре, лучший клоун Европы по дороге с Цветного в Марину Рошу забрал к родственникам на Мещанскую. Помыться. «Звонит, бывало, в дверь, мы открываем. — Стоит на пороге Леня, босой, ботинки к груди прижимает, мина такая жа-алостливая. Гражданин, говорит, а баяна работает? Работает, работает, — хочем мы. — Заходи». Во дворе дома сам сколотил себе помост для тренировок, без которых у него не обходилось ни дня. Бывало, зайдут к Енгибаровым друзья или родственники, и Леонид, стоя на одной руке или вбираясь на какую-нибудь зную по счету катушку, говорит, мол, заходите, садитесь, не обращайте внимания, ну как дела? Так и общался — в стойке вниз головой. Другой «мебелью», самостроенной своими руками для работы, стал письменный столик, не уступающий по роскоши рабочему месту Ленина в Разливке. За ним Леонид писал киносценарии, репризы, дневники. И сотни маленьких новелл — о цирке, о любви, о жизни, смерти и творчестве, побеждающем смерть, травму, отчаяние, о детстве, старости и детском взгляде на взрослую жизнь... В них фонтаны подстрелили ножницами, чтобы люди поняли — не все в жизни можно подстричь под одну гребенку. В них мсыя, приняв лиху, завалился на бок, одна звезда, прыснув, покатились со смеху по небосводу, а другая, поверив в любовные признания солнца, не знала еще, что солнце потуло, а его признания — только мертвый

след. В них девушка любила самого искусного торова за то, что он так и не научился убивать, а потому и не стал самым лучшим торовадом. А беспечный и почти счастливый король карманных воров тосковал лишь оттого, что люди не носят в карманах свои сердца. Его новеллы охотно печатали маленькими порциями нецензурные журналы вроде «Волги» или «Сибирских огней». Несколько сотен так и остались неопубликованными. А еще при жизни Леонида Енгибарова вышла тоненькая книжечка новелл «Первый раунд», после смерти — вторая, чуть потоньше, «Последний раунд». Обе изданы в Ереване за подписью «Леонид Енгибаров» — так армяне хотели утвердить свой право на Енгибарова. А он только посмеивался над таким ревностным проявлением национального сознания и особо не возражал, потому что хотел выхода книги. Выбирая себе национальность в паспорт, Леонид Енгибаров (русский по матери, армянин по отцу) решил называться армянином. Посмотрите, говорил, на мой нос и глаза, какой из меня русский? Буду армянином, а то скажут — еврей. Поэтому когда новоиспеченный клоун Леонид Енгибаров окончил цирковое училище, с распределением вопросов не было — в Ереван. Полноценным армянином Леонид Енгибаров так и не стал — в том смысле, что по-армянски так и не заговорил. «По-армянски я умер только ругаясь, обижаясь в любви и читая рецензии на свои выступления», — шутил он.

В этом городе он узнает и первое разочарование (когда его, молодого, ищущего и с размаху не вписавшегося в рамки законченных традиций, чуть было не выгнали из цирка за творческую несостоятельность), и огромное разочарование. Армяне не только издали англоязычную книгу, но и назвали его народным артистом советской социалистической республики. За это Леониду Енгибарову было положено место на Ваганьковском кладбище (был бы народным СССР — досталось бы Новодевичье). Правда, чтобы любимого клоуна похоронили в достойном месте, а не около забора, его друзьям Ролану Быкову и Олегу Стриженову пришлось и хлопотать, и приплатить (как хлопотал в свое время Кобзон за место для Высоцкого на том же Ваганьковском). А Юрий Никулин и Ирина Бугримова давали бесплатные концерты на заводе, чтобы Енгибарову откликнуться в память работы скульптора Геннадия Распопова — минкультовских денег ни на какой памятник бы не хватило. В это же время там делали памятник Василию Шукшину, который Енгибаров и снимал (в «Печках-лавочках»), и любил.

С меня при цифре «37»...

Если задуматься о совпадениях, раскидывая по судьбам наших кумиров из одного поколения, дух захватывает, словно судьба не захотела разводить их даже после смерти. Однажды близкая подруга Леонида Енгибарова поэтесса Мария Романушко устроила в цирковом училище вечер, посвященный Леониду Енгибарову. К ней в финале подошел японский студент, родившийся явно после смерти «клоуна с осенью в сердце», и через переводчика, не японски эмоционально стал рассказывать, как много значит для него Енгибаров. А Марина Влади заканчивает свои воспоминания «Владимир, или Прерванный полет» рассказом о молодом японском журналисте, который, услышав на показе мод хриплый страстный голос неизвестного певца, потерял голову, уехал в Париж, нашел в магазинах пластинки Высоцкого (по глазам на обложках понял, что это он), скупил все и на следующий день стал брать уроки русского. Вот это япончик. «С меня при цифре «37» в момент слетает хмель», — пел Высоцкий. Енгибарову было тридцать семь. «Приехали молодые врачи, неопытные. Леня даже говорил главному, мальчику молоденькому: «Ты спасешь меня, браток?». Они сделали не то, что надо было сделать. У него тромб обормовался, и когда они приехали, все признаки были налицо — опытный человек бы понял. А они лекар-

Леонид Енгибаров. Слепой мим

«Постепенно, через два года, зрение вернется», — таков был приговор человека в белом халате с большими мягкими рукавами. «Спасибо», — сказал тогда Витя. «Спасибо» — сказал он и сейчас, когда Лина в полной темноте поставила его на нужное место. «Витя, может быть, не стоит, подождите еще год с лишним». «Да не ждть — вычеркивать жал». «Сейчас будет занавес». — «Знаю, уходи».

Публикуется впервые

Конферансье объявил извещую Витю фамилию. Зал ответил бурей. Витя любил. Он был «прирожденный мим», «король молчания», «чародей жестов» и пр., и пр. А теперь он стоял в глубине сцены — слепой мим с раскрытыми, но не выходящими глазами. Зачем это он? Зачем? А он стал думать, и снова, как раньше, зал смеялся и плакал, грустил и замирал, и отзывался отпустить мима. Занавес закрылся, и Лина, смеясь и плача, отвела Витю за кулисы. «Никого не пускай», — бросил он ей. Но друг, вездущий Вадим, прорвался: «Это же фантастика, а же сам писал: «Ог-

ромная утрата. Мим, потерявший зрение». «А, заткнись», — и Витя на голос швырнул в его пролысину матерчатый тапочек. — Ты же не заметил специальный узор коврика-циновки, по нему я определяю пространство. По-нрав». Лина стала снимать ему грим. «Но если растрезвонили про «героизм», ей-богу, отпусти, не через два года, а раньше. Теперь я тебя уже точно увижу. Напиши что-нибудь оригинальное, вроде: «Молодой талант»... Он еще долго втроем сидели в гардеробной, и уже никому не было страшно.